

Тургенев Иван Сергеевич

Клара Миличъ

Повесть

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Сергеевич Т.**
Клара Миличъ: Повесть / Тургенев Иван Сергеевич – М.: Книга по Требова-
нию, 2022. – 80 с.

ISBN 978-5-519-77993-7

ISBN 978-5-519-77993-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

имѣлъ онъ увловатя, и впалую грудь, какъ старикъ Аратовъ, котораго, впрочемъ, едва ли слѣдуетъ называть старикомъ, такъ какъ онъ и до пятидесяти лѣтъ не дотянулъ. Еще при жизни его Яковъ поступилъ въ университетъ, по физико-математическому факультету: однако, курса не кончилъ — не по лѣности, а потому что, по его понятіямъ, въ университетѣ не узнаешь больше того, чему можно научиться и дома; а за дипломомъ онъ не гонялся, такъ какъ на службу поступить не рассчитывалъ. Онъ дичился своихъ товарищей, почти ни съ кѣмъ не знакомился, въ особенности чуждался женщинъ, и жилъ очень уединенно, погруженный въ книги. Онъ чуждался женщинъ, хотя сердце имѣлъ очень нѣжное и плѣнялся красотой . . . Онъ даже приобрѣлъ роскошный англійскій киссакъ — и (о, позоръ!) любовался «украшавшими» его изображеніями равныхъ восхитительныхъ Гюльнаръ и Медоръ . . . Но его постоянно сдерживала прирожденная стыдливость. Въ домѣ онъ занималъ бывшій отцовскій кабинетъ, который былъ также его спальней; и постель его была та же самая, на которой скончался его отецъ.

Великимъ подспорьемъ всего его существованія, неизмѣннымъ товарищемъ и другомъ была ему его тетка, та Платоша, съ которой онъ едва ли мѣнялся десятью словами въ день, но безъ которой онъ не могъ бы ступить шагу. Это было длиннолицое, длинновубое существо, съ блѣдными глазами на блѣдномъ лицѣ, съ неизмѣннымъ выраженіемъ не то грусти, не то озабоченнаго испуга. Вѣчно одѣтая въ сѣрое платье и сѣрую шаль, отъ которой пахло камфарой, она скиталась по дому какъ

тѣнь, неслышными шагами; вѣдыхала, шептала молитвы — особенно одну, любимую, состоявшую всего изъ двухъ словъ: «Господи, помози!» — и очень дѣльно распоряжалась по ховяйству, берегла каждую копейку и все закупала сама. Племянника своего она обожала; постоянно кручинилась объ его здоровѣ — всего боялась — не за себя, а за него — и, бывало, чуть что ей покажется, сейчасъ тихонько подойдетъ и поставитъ ему на письменный столъ чашку грудного чаю, или погладитъ его по спинѣ своими мягкими, какъ вата, руками. Яковъ не тяготился этимъ ухаживаньемъ, — грудного чаю, однако, не пилъ — и только одобрительно покачивалъ головою. Впрочемъ, здоровьемъ онъ тоже похвастаться не могъ. Очень онъ былъ впечатлителенъ, нервенъ, мнителенъ, страдалъ сердцебиеньемъ, иногда одышкой; подобно отцу, вѣрилъ, что существуютъ въ природѣ и въ душѣ человѣческой тайны, которыхъ можно иногда прозрѣвать, но постигнуть — невозможно; вѣрилъ въ присутствіе нѣкоторыхъ силъ и вѣяній, иногда благосклонныхъ, но чаще враждебныхъ . . . и вѣрилъ также въ науку, въ ея достоинство и важность. Въ послѣднее время онъ пристрастился къ фотографіи. Запахъ употребляемыхъ при этомъ снадобій очень беспокоилъ старуху-тетку — опять-таки не для себя, а для Яши, для его груди; но, при всей мягкости нрава, въ немъ было не мало упорства — и онъ настойчиво продолжалъ полюбившееся ему занятіе. «Платоша» покорилась, и только цуще прежняго вѣдыхала и шептала: «Господи, помози!» глядя на его окрашенные іодомъ пальцы.

Яковъ, какъ уже скавано, чуждался товарищей; однако съ однимъ изъ нихъ сошелся довольно близко и видалъ его часто, даже послѣ того, какъ этотъ товарищъ, выйдя изъ университета, поступилъ на службу, мало, впрочемъ, обязательную: онъ, говоря его словами, «примостился» къ постройкѣ Храма Спасителя, ничего, конечно, въ архитектурѣ не смысля. Странное дѣло: этотъ единственный пріятель Аратова, по фамиліи Купферъ, нѣмецъ до того обрусѣвшій, что ни одного слова по-нѣмецки не зналъ и даже ругался «нѣмцемъ», — этотъ пріятель не имѣлъ съ нимъ, по-видимому, ничего общаго. Это былъ чернокудрый, краснощекій малый, весельчакъ, говорунъ и большой любитель того самаго женскаго общества, котораго такъ избѣгалъ Аратовъ. Правда, Купферъ и завтракалъ, и обѣдалъ у него частенько — и даже, будучи человѣкомъ небогатымъ, занималъ у него небольшія суммы; но не это заставляло развязнаго нѣмчика прилежно посѣщать укромный домикъ на Шаболовкѣ. Душевная чистота, «идеальность» Якова ему полюбилась, быть можетъ, какъ противорѣчіе тому, что онъ каждый день встрѣчалъ и видѣлъ; — или, быть можетъ, въ этомъ самомъ влеченіи къ «идеальному» юношѣ сказывалась его все-таки германская кровь. А Якову нравилась добродушная откровенность Купфера; да кромѣ того, рассказы его о театрахъ, о концертахъ, о балахъ, гдѣ онъ былъ завсегдатаемъ, — вообще о томъ чуждомъ мірѣ, куда Яковъ не рѣшался проникнуть — тайно занимали и даже волновали молодого отшельника, не возбуждая, впрочемъ, въ немъ желанія извѣдать все это собственнымъ опытомъ. И Платоша жаловала Куп-

фера; правда, она находила его иногда чересчуръ безцеремоннымъ, но инстинктивно чувствуя и понимая, что онъ искренно привязанъ къ ея дорогому Яшѣ, она не только терпѣла шумнаго гостя, но благоволила къ нему.

II

Въ то время, о которомъ идетъ наша рѣчь, обрѣталась въ Москвѣ нѣкая вдова, грузинская княгиня, — личность неопредѣленная, почти подоврительная. Ей было уже подъ сорокъ лѣтъ; въ молодости она, вѣроятно, цвѣла той особенной восточной красотой, которая такъ скоро блекнетъ; теперь она бѣлилась, румянилась и красила волосы въ желтую краску. О ней ходили разные, не совсѣмъ выродные и не совсѣмъ ясные слухи; мужа ея никто не знавалъ — и ни въ одномъ городѣ она подолгу не жила. Ни дѣтей, ни состоянія у ней не было; но она жила открыто — въ долѣ или иначе; держала, какъ говорится, салонъ и принимала довольно смѣшанное общество — бѣльшей частью молодежь. Все въ ея домѣ, начиная съ собственнаго ея туалета, мебели, стола — и кончая экипажемъ и прислугой — носило печать чего-то недоброкачественнаго, поддѣльнаго, временнаго . . . но и сама княгиня, и ея гости, повидимому, ничего лучшаго не требовали. Княгиня слыла любительницей музыки, литературы, покровительницей артистовъ и художниковъ; да и дѣйствительно интересовалась всѣми этими «вопросами» — даже до восторженности — и до восторженности, не совсѣмъ напускной. Эстетическая жилка въ ней несомнѣнно была. Къ тому

же она была очень доступна, любезна, безъ чванливости и ломанія — и, чего многіе не по- доврѣвали — въ сущности очень добра, мягко- сердечна и снисходительна . . . Качества рѣдкія — и тѣмъ болѣе дорогія — именно въ подобнаго рода личностяхъ! — «Пустая баба! — выразился о ней одинъ умникъ — а въ рай попадетъ не- премѣнно! Потому: все прощаетъ — и ей все простится!» О ней говорили также, что когда она исчезала изъ какого-нибудь города — она всегда оставляла въ немъ столько же заимодавцевъ, сколько людей, облагодѣтельствованныхъ ею. Мяг- кое сердце въ какую хочешь сторону гнется.

Купферъ, какъ и слѣдовало ожидать, попалъ въ ея домъ — и сталъ къ ней близкимъ . . . злые явки увѣряли: слишкомъ близкимъ человѣкомъ. Самъ же онъ всегда отзывался о ней не только дружески, но съ уваженіемъ; величалъ ее золотую женщиной — что тамъ ни толкуй! — и твердо вѣрилъ и въ ея любовь къ искусству, и въ пони- маніе ею искусства! — Вотъ однажды, послѣ обѣда, у Аратовыхъ, разговорившись о княгинѣ и о ея вечерахъ, онъ началъ убѣждать Якова нарушить хоть разъ свою анахоретскую жизнь и позволить ему, Купферу, представить его своей пріятельницѣ. Яковъ сперва и слушать не хо- тѣлъ. «Да ты что думаешь? — воскликнулъ наконецъ Купферъ: — о какомъ представленіи рѣчь? Просто, возьму тебя, вотъ какъ ты теперь сидишь, въ скюртукѣ, и повезу тебя къ ней на вечеръ. Никакихъ тамъ, братъ, этикетовъ не водится! Ты вотъ и ученый, и литературу лю- бишь, и музыку (у Аратова въ кабинетѣ дѣйстви- тельно находилось піанино, на которомъ онъ

иарѣдка бралъ аккорды съ уменьшенной септимой), а у ней въ домѣ всего этого добра вдоволь! . . . И людей ты тамъ встрѣтишь симпатическихъ, безо всякихъ претензій! Да и наконецъ, нелзя же въ твои годы, съ твоей наружностью (Аратовъ опустилъ глаза и махнулъ рукою), — да, да, съ твоей наружностью, такъ чуждаться общества, свѣта! Вѣдь не къ генераламъ я тебя везу! Впрочемъ, я самъ генераловъ не знаю! . . . Не упирайся, голубчикъ! Нравственность — дѣло хорошее, почтенное . . . Но вачѣмъ же въ аскетизмъ вдаваться? Не въ монахи же ты себя готовишь!»

Аратовъ, однако, продолжалъ упираться; но на подмогу Купферу неожиданно явилась Платонида Ивановна. Хотя она и не поняла хорошенько, что это за слово такое: аскетизмъ? однако, тоже нашла, что Яшенькѣ не худо развлечься, на людей посмотреть и себя показать. «Тѣмъ болѣе, — прибавила она: — что я увѣрена въ Ѳедоръ-Ѳедорычъ! Въ дурное мѣсто онъ тебя не повезетъ! . . .» — Во всей непорочности представлю его вамъ обратно! — вскричалъ Купферъ, на котораго Платонида Ивановна, несмотря на свою увѣренность, бросала безпокойные взгляды. Аратовъ покраснѣлъ до ушей, но возражать пересталъ.

Кончилось тѣмъ, что на слѣдующій день Купферъ повезъ его на вечеръ къ княгинѣ. Но Аратовъ не долго тамъ остался. Во-первыхъ, онъ нашелъ у ней человѣкъ двадцать гостей, мужчинъ и женщинъ, положимъ, и симпатическихъ, но все-таки чужихъ; и это его стѣсняло, хотя бесѣдовать ему пришлось очень немного: а этого онъ больше всего боялся. Во-вторыхъ, сама хозяйка ему не понравилась, хотя она и приняла его очень ра-

душно и просто. Все въ ней ему не понравилось: и раскрашенное лицо, и вьбитыя кудри, и хрипловато-слащавый голосъ, визгливый смѣхъ, манера закатывать глаза подъ лобъ, излишнее декольтэ и эти пухлые, глянцовитые пальцы со множествомъ колець! . . . Забившись въ уголъ, онъ то быстро пробѣгалъ глазами по всѣмъ лицамъ гостей, какъ-то даже не различая ихъ, то упорно глядѣлъ себѣ на ноги. Когда же наконецъ одинъ ваѣвжій артистъ съ испытнымъ лицомъ, длиннѣйшими волосами и стеклышкомъ подъ съѣженной бровью, сѣлъ за рояль и, ударивъ съ размаху руками по клавишамъ, а ногой по педали, началъ валять фантазію Листа на вагнеровскія тѣмы, Аратовъ не выдержалъ и улизнулъ, унося въ душѣ смутное и тяжелое впечатлѣніе, сквозь которое, однако, пробивалось нѣчто ему самому непонятное, но значительное и даже тревожное.

III

Купферъ пришелъ на другой день обѣдать; однако, распространяться о вчерашнемъ вечерѣ не сталъ, даже не попрекнулъ Аратова за его поспѣшное бѣгство и только пожалѣлъ о томъ, что онъ не дождался ужина, за которымъ подавали шампанское! (нижегородскаго издѣлія, замѣтимъ въ скобкахъ). Купферъ, вѣроятно, понялъ, что напрасно вадумалъ расшевелить своего пріятеля, и что Аратовъ къ тому обществу и образу жизни человѣкъ рѣшительно «не подходящій». Съ своей стороны Аратовъ тоже не заговаривалъ ни о княгинѣ, ни о вчерашнемъ вечерѣ. Платонида Ивановна не знала, радоваться ли неуспѣху этой

первой попытки, или сожалѣть о немъ? Она рѣшила наконецъ, что здоровье Яши могло пострадать отъ подобныхъ выѣздовъ, и успокоилась. Купферъ ушелъ тотчасъ послѣ обѣда, и цѣлую недѣлю потомъ не показывался. И не то, чтобы онъ дулся на Аратова за неудачу своей рекомендаціи — добрякъ на это не былъ способенъ, — но онъ, очевидно, нашелъ нѣкоторое занятіе, которое поглощало все его время, всѣ его помыслы, потому что и впослѣдствіи являлся рѣдко къ Аратовымъ, видъ имѣлъ разсѣянный, говорилъ мало и въ скорости исчезалъ . . . Аратовъ продолжалъ жить попрежнему; но какая-то, если можно такъ выразиться, закорючка засѣла ему въ душу. Онъ все что-то припоминалъ, самъ не зная хорошенько, что именно, и это «что-то» относилось къ вечеру, проведенному у княгини. Со всѣмъ тѣмъ, вернуться къ ней онъ не желалъ нисколько, и свѣтъ, часть котораго онъ уличезрѣлъ у нея въ домѣ, отталкивалъ его больше, чѣмъ когда-либо. Такъ прошло недѣль шесть.

И вотъ, въ одно утро опять предсталъ предъ нимъ Купферъ, на этотъ разъ съ нѣсколькими смущеннымъ лицомъ.

— Я знаю, — началъ онъ съ принужденнымъ смѣхомъ, — что тебѣ не по вкусу пришелся твой тогдашній визитъ; но я надѣюсь, что ты все-таки согласишься на мое предложеніе . . . не откажешь мнѣ въ моей просьбѣ!

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ Аратовъ.

— Вотъ видишь ли, — продолжалъ Купферъ, все болѣе и болѣе оживляясь: — здѣсь есть одно общество любителей, артистовъ, которое отъ времени до времени устраиваетъ чтенія, концерты,

даже театральныя представленія съ благотвори-
тельной цѣлью . . .

— И княгиня участвуетъ? — перебилъ Аратовъ.

— Княгиня всегда въ добрыхъ дѣлахъ участвуетъ, — но это ничего. Мы затѣяли литературно-музыкальное утро . . . и на этомъ утрѣ ты можешь услышать дѣвушку . . . необыкновенную дѣвушку! — Мы еще не знаемъ хорошенько: Рапсель она, или Віардо? . . . потому что она и поетъ превосходно, и декламируетъ, и играетъ . . . Талантъ, братецъ ты мой, первоклассный! Безъ преувеличенія говорю. — Такъ вотъ . . . не возьмешь ли ты билетъ? — Пять рублей, если въ первомъ ряду.

— А откуда взялась эта удивительная дѣвушка? — спросилъ Аратовъ.

Купферъ осклабился.

— Ужъ этого я не могу сказать . . . Въ послѣднее время она пріютилась у княгини. Княгиня, ты знаешь, все́мъ такимъ покровительствуетъ . . . Да ты ее, вѣроятно, видѣлъ на томъ вечерѣ.

Аратовъ дрогнулъ — внутренно, слабо . . . но ничего не промолвилъ.

— Она даже играла гдѣ-то въ провинціи, — продолжалъ Купферъ: — и вообще она создана для театра. Вотъ ты самъ увидишь!

— Какъ ея имя? — спросилъ Аратовъ.

— Клара . . .

— Клара? — вторично перебилъ Аратовъ. — Не можетъ быть?

— Отчего не можетъ быть? — Клара . . . Клара Миличъ; это не настоящее ея имя . . . но ее такъ называютъ. Пѣтъ она будетъ Глинкинскій романсъ . . . и Чайковскаго; а потомъ письмо изъ «Евгенія Онѣгина» прочтеть. — Что жъ? берешь билетъ?

— А когда это будетъ?

— Завтра . . . завтра, въ половинѣ второго, въ частной залѣ, на Остоженкѣ . . . Я заѣду за тобой. Въ пять рублей билетъ? . . . Вотъ онъ . . . нѣтъ — это трехрублевый. — Вотъ. Вотъ и афишка. — Я одинъ изъ распорядителей.

Аратовъ задумался. Платонида Ивановна вошла въ эту минуту и, взглянувъ ему въ лицо, вдругъ перетревожилась.

— Яша, — воскликнула она: — что съ тобою? Отчего ты такой смущенный? Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ, что вы ему такое сказали?

Но Аратовъ не далъ своему пріятелю отвѣтить на вопросъ тетки, и торопливо выхвативъ протянутый къ нему билетъ, приказалъ Платонидѣ Ивановнѣ сейчасъ выдать Купферу пять рублей.

Та удивилась, глазами заморгала . . . Однако, вручила Купферу деньги молча. Очень ужъ строго крикнулъ на нее Яшенька.

— Я тебѣ говорю, чудо изъ чудесъ! — воскликнулъ Купферъ, и бросился къ дверямъ. — Жди меня завтра!

— У ней черные глаза? — промолвилъ ему вслѣдъ Аратовъ.

— Какъ уголь! — весело гаркнулъ Купферъ и исчезъ.

Аратовъ ушелъ къ себѣ въ комнату, а Платонида Ивановна такъ и осталась на мѣстѣ, шопотомъ повторяя: «Помози, Господи! Господи, помози!»

IV

Большая зала въ частномъ домѣ на Остоженкѣ уже на половину была полна посѣтителеми, когда Аратовъ съ Купферомъ прибыли туда. Въ этой